

Почему вожди позднего Советского Союза проиграли холодную войну, которую многие считают Третьей Мировой? Потому что имя Бога писали сами и заставляли писать всех своих поданных с маленькой буквы. Говоря другими словами – потому что считали, что мир видимый, материальный куда как важнее и значительнее невидимого мира – мира идей, духов, воли. Да и вообще, существовал ли он для них, невидимый мир? Ведь материальный мир можно потрогать, а духовный? Его надо ощущать, в него надо верить, его надо видеть внутренним взглядом, а это непросто...

В конце пятидесятых, при Хрущеве, советские идеологи придумали лозунг для народа, в котором, на

мой взгляд, уже было заложено наше полное будущее поражение: «Догнать и перегнать Америку». Выпускались миллионами плакаты серии «ДиП» («догнать и перегнать»), на которых, например, советский торжествующий сноп пшеницы догонял испуганный американский и т.д. Но какой сигнал мы получали на уровне подсознания, на уровне того невидимого мира, в который наши вожди не очень-то верили? Очень простой: капиталистическая Америка впереди. Мы, со всем своим социализмом, не можем ее догнать. А наша цель – именно догнать ее. Но догонять кого-то – это значит признать единственно верными чужие правила жизни, чужое направление, чужую волю. И это значит – не иметь своих целей и своей воли.

Но эти вопиющие противоречия не бросались в глаза нашим идеологам и вождям. Эти люди, воспитанные на «историческом материализме» и «научном коммунизме» вкупе с «научным атеизмом», подсчитывая наши боеголовки и валовой промышленный продукт, как-то не хотели (да и не умели) задумываться о том, что враг (духовный враг, нематериальный, в которого они не верят – вот ведь ирония!) уже вошел в их темное и пустое сердце и вложил туда свое черное, черствое, но живое зернышко.

Это зернышко было идеей. Идеей о том, что всё лучшее в жизни – справедливость, демократия, прогресс, свобода, а главное, комфорт (мы же материалисты!) – идет к нам с Запада. Они, семьдесят лет преследовавшие любой

национализм, но раньше, беспощаднее и сильнее всего – «русский великодержавный шовинизм» (то есть самосознание главной, государствообразующей нации), как-то не хотели (да и не сумели бы!) подумать о том, что всеянное в них зернышко – тоже психология великодержавного шовинизма, только на этот раз настоящего, а не выдуманного, и не своего, а чужого.

Зернышко было цепкое. Оно запало, укоренилось, проклюнулось и дало росток. Остальное было делом короткого времени, и очень скоро мы увидели руководителей мировой сверхдержавы, предающих, сдающих свое государство и свои народы врагу – причем даже не за деньги, а просто так, ни за что – за покровительственное похлопывание по плечу и звание человека года...

Наследие Павла Федоровича

Многовековая беда (и вина) России – чужебесие. Этот термин славянофила XVII века Юрия Крижанича, хорвата по национальности и католического священника, мечтавшего об объединении всех славянских народов под главенством России, как нельзя лучше отражает нашу застарелую национальную болезнь. Низкопоклонство перед всем иностранным, невидение своей силы, своей красоты, своих достижений – это и есть чужебесие. Именно оно является, что называется, постоянно присутствующей «пятой колонной» врага в нашем обществе.

Конечно, болезнью этой больны далеко не все русские. Есть даже

целые огромные сообщества, в которых она практически не имеет питательной среды. И главное из этих сообществ – Русская Православная Церковь. Православный человек, исповедующий Христа, следующий евангельским нравственным принципам, не может преклоняться перед той духовной и нравственной грязью, в которой нас пытается сегодня утопить Запад. Не потому ли именно Русская Православная Церковь вызывает у «наших» либералов такую змеиную и звериную ненависть?

В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского есть персонаж подлинно пророческий. Типаж, определяющий многие беды России на протяжении всего XX века и перешедший в следующий век. Имя ему – Павел Федорович Смердяков.

Внебрачный сын отца-Карамазова, Федора Павловича, и городской юродивой Лизаветы Смердящей, Смердяков всю свою недолгую жизнь нес на себе проклятье своего незаконного происхождения. Впрочем, в происхождении этом его как раз-таки никто вокруг не упрекал (люди-то кругом были православные!), и свое место в обществе он вполне мог бы занять. Мог бы, но... Но что-то в характере не позволяло. Предоставим слово автору.

«Мальчик рос “безо всякой благодарности”, как выражался о нем Григорий, мальчиком диким и смотря на свет из угла. В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией. Он надевал для этого простыню, что составляло вроде как бы ризы, и пел и махал чем-нибудь над

мертвую кошкой, как будто кадил. Всё это потихоньку, в величайшей тайне.»

Персонаж стоит того, чтобы взглядеться в него поподробнее.

Рассмотрим идеи Смердякова, как их раскрывает нам его автор. Их немного, но они выражены ясно и четко и даже очевидно делятся на категории.

Категория духовная. «Отрекаться от Христа – не грех. Потому что верующих людей нынче нигде нет.»

Категория нравственная. «Можно быть иезуитом (то есть, в данном контексте – делать одно, говорить другое, а думать третье)».

«Ненавижу свою мать». «Я бы дозволил убить себя еще во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходить вовсе-с». (В этом

смысле Смердяков значительно смелее современных либералов, которые так долго и упорно боролись за право матери убивать собственного нерожденного ребенка. Он высказывает идею о праве самого нерожденного ребенка на самоубийство еще во чреве!)

Категория национальная. «Может ли русский мужик против образованного человека чувства иметь? По необразованности своей он никакого чувства не может иметь.» «Русский народ надо пороть-с.»

Категория военно-политическая. «Желаю уничтожения всех солдат-с». «Хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе.

Совсем были бы другие порядки-с.»

Категория эстетическая. «Стихи – вздор-с. Рассудите: кто на свете говорит стихами?»

И наконец, категория, которую можно назвать главной, онтологической: «Я всю Россию ненавижу».

Не правда ли, знакомый набор идей? И ведь не только сегодняшний прозападный либерал виден здесь, – но и совсем другие исторические персонажи. «Желаем поражения своему правительству в империалистической бойне!» Это кричит Владимир Ильич. Правда, «своим» почему-то (по забывчивости, наверное?) называя российское правительство. Тогда как деньги на развал России получает от Германии и остальных

наших врагов...

Чужебесие всех российских смердяковых – та самая «пятая колонна», тот самый «троянский конь», с помощью которого Запад во все времена пытался уничтожить Россию. Потому что без наших смердяковых он никогда бы не смог одолеть в открытом и честном противостоянии. Впрочем, «честном» – это слово далеко не из XX века и даже не из XIX. Времена честной борьбы, если и были когда-то, давно прошли.

Надо сказать, что и самому Смердякову, как живому человеку, не позавидуешь. Имея духовной основой ненависть к своим родителям, своему народу, своей Родине и своему Богу, человек не может полноценно жить. Конец Павла Федоровича известен: убив

своего отца (потому что «всё позволено», как учил его старший брат, Иван Федорович), он очень быстро понимает, что Божий закон непреложен – и кончает самоубийством. В сущности, это путь любого смердякова: конец всякой ненависти – смерть.

Или покаяние. Но покаяние возможно только тогда, когда человек верит, что Бог есть. Что Он благ. Что Он – его Отец. Что Он любит его и ждет всегда как блудного сына. Если же Бог – жестокий Мститель (или Его нет вовсе), то логичный выход – петля или пуля себе в лоб.

Смердяков удобен для любого потенциального завоевателя России еще одним своим качеством: он никогда не восстанет против иноземного порабощения. «Иван

Федорович считает, что я бунтовать могу; это они ошибаются.» Таким образом, смердяковы ценны для нашего возможного врага как «два в одном»: и ворота чужому откроют, и веревочки с собой принесут.